"Я буду краток, чтобы мы могли вернуться к вашим спутникам, но вы должны знать, с кем сражаетесь, если Кагуя-сама ничего не сказала вам, когда коснулась своей рукой вашей судьбы, - сказал он быстро, но четко, - и за что вы сражаетесь. Я - Оцуцуки Хамура, и когда-то, очень давно для смертных, Оцуцуки Кагуя была моей невесткой в стране, охваченной войной. Она была блестящим стратегом и тактиком и больше всего на свете хотела положить конец войне. Война всегда истончала завесу между мирами, и эта война была такой, что в обоих мирах росло дерево, на котором рос очень волшебный плод - сегодня вы называете содержащуюся в нем энергию чакрой, но в мои годы это была сила, доступная только богам и духам.

"Кагуя-сама была человеком неугомонной энергии и часто совершала долгие прогулки по незнакомым местам, чтобы очистить свой разум и встретить следующую битву с той отрешенной ясностью, которая делает настоящих хороших генералов, и именно во время одной из таких прогулок она обнаружила это дерево. Она съела плод, даже семена, и сила поселилась в ней. Она и так была сильна умом, но эта сила дала ей физическую силу, которая сделала ее сильнее любого обычного человека, и дала ей глаза, которые могли видеть энергию вещей", - при этом он сделал жест в сторону своих собственных глаз.

"Она была слишком сильна, а она слишком непрактична, чтобы полностью сдерживаться в ее теле. В конце концов она распространилась бы на весь известный мир, но в ту первую ночь после того, как она съела плод, интимный контакт моего брата с этой человеческой богиней дал ему собственную силу - силу, неуловимо непохожую на ее. Она обратила свою на поле боя ради блага людей, а он - на собственное возделывание. Пока она умиротворяла мир, он рос в знаниях, силе и неудовлетворенности - его силы было недостаточно. Тогда он отыскал дерево, на котором росли плоды, и съел корни, словно это был женьшень или какая-нибудь другая чудодейственная лечебная трава. Тогда его глаза изменились, в них появились кольца, похожие на кольца дерева, и его сила стала глубокой и непреодолимой, но он по-прежнему был нацелен только на свой собственный путь и путь своих сыновей, которых он взял с собой в уединение, когда вышел из своей первой закрытой практики и нашел их достаточно взрослыми.

"Возможно, он намеревался накопить достаточно силы, чтобы положить конец всем распрям сразу, без той утомительной, изнурительной работы, которой занималась Кагуя-сама, чтобы добиться мира. Но где-то по пути он начал сбиваться с пути - к тому времени, когда мои племянники стали взрослыми, соперничая друг с другом вплоть до убийств, несмотря на то что росли почти исключительно под его опекой, - он снова был неудовлетворен собственной силой и преходящей природой мира. Сначала он начал просто обвинять ее, а затем и вовсе ополчился против нее.

"Через тысячу лет после того, что произошло в тот мрачный день, господин Цукиёми удостоил меня аудиенции и рассказал, что ему известно о случившемся: госпожа Кагуя уже почти достигла точки вознесения, ее пребывание в мире смертных почти подошло к концу, когда Хагоромо попытался присвоить ее силу себе. Несмотря на то что он стал почти чужим для нас обоих, это разбило ей сердце и разорвало самую крепкую связь в этом царстве. Она отступила от него, начав свое долгое и горькое изгнание в белом безмолвии пустых равнин Цукиёми-сама, а он рассказал людям, что запечатал демона, который украл бы их силу, если бы остался.

"Люди всегда думали о ней только плохое, - пробормотал Хамура, глядя на него отрешенным

взглядом. "Они верили ему. Несмотря на то что она дала им то, чем они так гордились, ее прозвали чудовищем, а он стал героем на века. Может, напомнить ему реальную историю мира?" - спросил он.

Все это выяснилось так быстро, что у Сакуры почти не осталось времени и эмоционального пространства, не занятого тревожной необходимостью вернуться к товарищам по команде и отреагировать на откровение - ей было достаточно того, что Хамура, как и Кагуя, намеревался им помочь.

В любом случае она не могла ничего проверить.

Но если уж ей придется служить богине до конца этого воплощения, она скорее поверит в то, что она хорошая.

Обхватив руками локти и проведя ими по предплечью, Сакура обнажила мечи и в качестве ответа метнулась в сторону Зе-нет, Хагаромо.

Она использовала Сая, который непроизвольно стал ее ближайшим якорем, когда поле битвы сместилось вокруг его чешуйчатой крепости, чтобы проскочить ближе, прежде чем ей придется метнуться к Хагоромо. Всю битву Сай был странно неподвижен, даже учитывая громогласное столкновение титанических сил над их головами, но она не придавала этому значения.

В тот момент, когда она приземлилась рядом с ним, а он уставился на нее с выражением "не виноват", как кошка, пойманная на том, что ей лучше не пытаться делать, она поняла, что это было сделано намеренно. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что он сделал.

"Говорят, в этой стране обитает вид саламандр, способный отращивать конечности", - сказала она без малейшего раздражения. "Раз уж ты решил испытать это на поле боя, то не имеешь права жаловаться, если я буду называть тебя Саламандрой до конца твоей естественной жизни".

"Во всех книгах написано, что прозвища - это знаки знакомства и привязанности, карга", - проворчал он, когда она легонько стукнула его по голове рукоятью меча. Ударила она его не сильно - не столько из-за этого, сколько из-за толчка чакры, пронесшегося сквозь него, и черной крови, которая сочилась из вскрытых вен и артерий его частично отросшей ноги, быстро превращаясь в живую плоть. Он сидел над несколькими огромными свитками и использовал собственную кровь, насыщенную чакрой, для вызова огромных волн существ, которые он вызывал на протяжении всей битвы.

В странном мировоззрении Саи это, пожалуй, считалось убийством двух зайцев одним выстрелом.

Она не стала задерживаться, чтобы понаблюдать за его пальцами - ей нужно было одолеть

древнего мудреца.

Несмотря на небольшую задержку, она пришла не сразу после того, как Хамура-Гаара сделал путь непроходимым с помощью конструкции, более сложной, чем его обычные техники. Это было какое-то чудовище, не похожее ни на одно из когда-либо живших животных, но отчасти напоминавшее многих из них - и скорпиона, и муравья, и ящерицу, - и оно зажало Хагоромо в своих многочисленных колючих мандибулах, напоминавших какое-то ужасное соединение меча и рыболовного крючка. Она недолго размышляла, не родилось ли это что-то из историй, передававшихся с тех времен, когда жители Суны были странниками в пустыне.

Гаара не стал делать своего зверя гигантским, как те, что сталкивались над ними, и поэтому она все еще могла видеть Хагоромо, с которого капала жидкость, не являющаяся кровью.

Сакура не стала бы сражаться так, как Учиха, даже если бы это было в её силах: чем больше затуманено зрение, например, при сражении внутри чудовищных конструкций, тем легче врагу ухитриться... Она предпочитала, чтобы враги были в поле зрения и в пределах досягаемости. Поэтому она молча восхищалась его техникой, хотя и не доверяла очевидному поражению Хагоромо.

В этом смысле она не была разочарована.

Даже когда она бросилась вперед, намереваясь своими клыками разорвать узел чакры в его сердцевине, он разворачивался, как будто смотрел на солнце. Когда она снова смогла видеть, то увидела дерево, и оно расцвело, поглощая чакру в конструкции Гаары, почки опали, а на ветвях появились плоды.

Это были косточковые плоды, похожие на персики - она знала это только потому, что они лопались при падении с дерева, сочась соком из бледной мякоти вокруг темной сердцевины. Ствол раскололся со звуком, похожим на треск молнии, ударившей в дерево, и Хагоромо вышел наружу, целый и невредимый, и весь этот процесс занял всего несколько ударов сердца.

"Привет, брат, - поприветствовал Хамура, расслабленно сложив руки на боку, словно не видел, как кто-то регенерирует из дерева. Но с другой стороны, он был духом предков, оседлавшим живое тело своей линии, так что, возможно, на своем веку он повидал и не такие вещи.

А вот Хагоромо, напротив, совсем не расслабился. Его лицо мгновенно покрылось морщинами ярости, более грубой и честной, чем та маска, которую он носил как Зецу, или даже контролируемое рвение, скрывавшее его настоящее лицо. "Ты", - сказал он, превратив это слово в уничижительное. "Ты мертв".

"Да", - спокойно признал Хамура. "Это обычный цикл для смертных. Даже у тех, у кого нет братьев, отправляющих их в путь", - сказал он с мягкой насмешкой.

http://tl.rulate.ru/book/100569/3449766